



---

АНАТОЛИЙ АФАНАСЬЕВ

... И ПОМНИ  
ОБО МНЕ

**АНАТОЛИЙ АФАНАСЬЕВ**

**... И ПОМНИ  
ОБО МНЕ**

**Повесть  
об Иване Сухинове**

**МОСКВА  
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
1985**

Анатолий Афанасьев известен как автор современной темы. Его перу принадлежат романы «Привет, Афиноген» и «Командировка», а также несколько сборников повестей и рассказов.

Повесть о декабристе Иване Сухинове — первое обращение писателя к историческому жанру. Сухинов — фигура по-своему

уникальная среди декабристов. Он выходец из солдат, ставший поручиком, принявшим активное участие в восстании Черниговского полка. Автор убедительно прослеживает эволюцию своего героя, человека, органически неспособного смириться с насилием и несправедливостью: даже на каторге он пытается поднять восстание.

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НЕВОЗВРАТНЫЕ ДНИ

### 1

Теплым сентябрьским утром, наскоро выпив молока с горячими пышками, подпоручик Иван Горбачевский отправился к своим приятелям — Кузьмину и Сухинову. Ехал он к ним с тяжелым чувством. Дело было вот в чем. Накануне произошло незначительное, но досадное при теперешних обстоятельствах недоразумение. Очередное собрание тайного общества было намечено провести в селении Пески на квартире Веденяпиных. В последний момент беспокойный сердцем Бестужев-Рюмин почему-то заартачился и предложил встретиться у Андреевича, как это, впрочем, бывало и в прошлые разы. Слов нет, квартира Андреевича расположена удачно, на краю села у самой реки: можно спорить хоть до крика, не опасаясь любопытных ушей. Здесь, под Лещиным, что в пятнадцати верстах от Житомира, где собрали для смотра третий пехотный корпус, страсти в Обществе соединенных славян особенно разгорелись. Дебаты-то на последних встречах шли нешуточные: быть или не быть Обществу соединенных славян слитым с Южным обществом, и тут каждая мелочь могла стать решающей. Но поди объясни это Бестужеву, который, напротив, сам все любит объяснять и, честно говоря, неплохо это делает.

За оставшиеся часы Горбачевский не успел предупредить всех офицеров, и те могли предположить, что их нарочно отстранили от собрания. Именно Кузьмин и Сухи-

нов с их вспыльчивостью и подозрительностью могли так подумать. В самом конце собрания, когда Бестужев уже уехал, на квартиру ворвался запыхавшийся Щепилло.

— Мы с товарищами поехали к Веденяпину, — начал он, сопровождая свои слова театральным жестом, — а его нет дома. Что такое? Мы подождали. Долго нет Веденяпина. Поехали искать. Наконец встретили Мозгана, который нам и пояснил, что место переменено по неизвестной причине. Слава богу, хоть Веденяпин жив-здоров. И все же в чем дело, господа? Потрудитесь объяснить! На каком положении мы в обществе?.. На положении людей, которым нельзя полностью доверять?

Горбачевский его понимал отлично. В Обществе соединенных славян, пусть не слишком многочисленном и не очень по составу знатном, до начала переговоров с Сергеем Муравьевым царил безмятежный дух мечтательного взаимодоверия. Хотя помыслы и бывали порой туманны, а планы слишком долгосрочны и расплывчаты, зато их свободные души не отягощал мрак подозрительности. Они могли злиться друг на друга, ссориться, но не умели и не хотели интриговать. Трудно сказать, что более сплачивало их: взаимная ли неприязнь к существующему в России положению дел или чисто человеческая симпатия. Так упоительно было сознать, как хороши они и благородны все вместе, а значит, и каждый в отдельности.

Явление представителей Южного общества смутило умы. Что же такое? Ведь если поверить южанам, то оставалось кому-то взмахнуть дирижерской палочкой, и монархия рухнет? А что же они, славяне? Где они будут в это время? Чем будут заниматься? По-прежнему сочинять вдохновенные планы и со слезами на глазах клясться друг другу в готовности умереть за отечество? Это была унылая и обидная перспектива.

В сущности, Общество соединенных славян переста-

до существовать как самостоятельное товарищество уже после первых встреч с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом, и было в его стремительном распаде что-то печальное. Что-то такое, что ум признавал неизбежным, а сердце отвергало. словно все они должны были невзначай поменять семью, сбросить детское платье и облачиться во взрослое. И все это проделать на виду, под руководством новых, более мудрых наставников.

Самые стойкие из славян в отчаянии задавали все новые и новые вопросы.

— А вот, например,— говорил Борисов, в смятении оглядываясь на товарищей,— подчинив себя безусловно Верховной думе Южного общества, будем ли мы в состоянии исполнить в точности принятые нами обязательства? И не будет ли эта самая дума новым видом диктатуры? Наша подчиненность не подвергнет ли нас произволу сей таинственной думы?

Бестужев-Рюмин, захлебываясь словами, доказывал, что именно в соединении залог успеха, только общими усилиями можно освободить от тиранства Россию, а заодно Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли. Он убеждал, в восторге размахивая руками, что только слепец или — того хуже — тайный враг может не увидеть всех выгод соединения двух обществ в одно. Бестужев был прирожденным оратором. Его пылкие речи сильно действовали на славян.

В азарте он часто преувеличивал, фантазировал; здравомыслящие люди, особенно те, кто постарше, понимали это, понимал и Горбачевский, но понимали они некоторую приукрашенность рассуждений Бестужева словно с натугой, испытывая неловкость от собственных сомнений.

Пришла пора действовать решительно и беспощадно, и к решительным действиям все готово — вот мысль, которая заставляла даже самых осторожных испытывать учащенное сердцебиение.

Горбачевский машинально прищипорил коня. Теперь он задумался о другом. Его все же смущало непоследовательное и, мягко говоря, загадочное поведение Муравьева и Бестужева. Он никак не мог одобрить их стремления отстранить от участия в совещаниях некоторых черниговских офицеров. Но, с другой стороны, разве не показывает история заговоров и государственных переворотов, что одно неосторожное и не к месту сказанное слово бывает причиной краха грандиозных замыслов? А ведь речь идет не о детских шалостях.

В случае неудачи много голов полетит, да каких светлых голов. Право слово, лучше семь раз отмерить...

Взять того же Кузьмина, с которым ему сейчас предстоит неприятное объяснение. Да, он — герой, пылкое, чувствительное сердце, но ведь до целепости несдержан и взбалмошен. Немедленно подавай ему восстание и царевубийство. Ждать он не может, даром что молод. Последний случай хотя бы вспомнить. Решив непонятно почему, что восстание начнется не сегодня завтра, он собрал свою роту и объявил ей о замышляемом перевороте и необходимости постоять за волю и справедливость. Солдаты, любящие своего лихого командира, поклялись умереть все как один для блага отечества.

— Ждите приказа, ребята! — крикнул по-молодецки Кузьмин солдатам и помчался на собрание. Там, еле дух переведя, торжествующе сообщил, что его рота готова выступить незамедлительно, и обратился к Горбачевскому с прямым вопросом: «Когда назначено восстание?»

Как обухом по голове, ей-богу! Горбачевский ему спокойно ответил:

— Этого никто не может знать, любезный друг Анастасий. Это зависит не от нас, а от обстоятельств. Следует терпеливо приуготовляться и исподволь заниматься с нижними чинами. Думаю, удачный час наступит не ранее будущего года.

— Жаль, — искренне огорчился Кузьмин. — Я думаю, чем скорее начать, тем лучше выйдет. Задержки да проволочки, всем известно, ослабляют воинский дух. Впрочем, вам виднее, господа! — добавил он обиженным тоном. Помедлив, сказал задумчиво: — Мои молодцы умеют держать язык за зубами. Только напрасно, кажется, уведомил я обо всем юнкера Богуславского.

Видя удивление и даже ужас на лицах офицеров, насмешливо пояснил:

— Ну да, я послал юнкера в Житомир, чтобы предупредил наших друзей. Не хочу, знаете ли, чтобы дело застало их врасплох.

Кузьмин бодрился, но уже сам почувствовал, что совершил неладное. Богуславский был хорошо известен своей заносчивой глупостью и излишней преданностью дамскому полу, но также и тем, что без конца занимает деньги у своего дяди, начальника артиллерии третьего корпуса, заодно пересказывая ему все без разбору. Нежели доверяться Богуславскому, проще уж прямо послать депешу генералу Роту, командиру третьего корпуса. Чтобы, как говорит Кузьмин, действовать без проволочек. Возгласы негодования слышались со всех сторон. Кузьмин обиженно вскинул голову и презрительно улыбался. Переждав шум, сказал хладнокровно:

— Из-за чего, черт возьми, столько пальбы? Разве это трудно поправить? — и, подойдя к дверям, прибавил: — Утром мальчишку найдут в постели мертвым. Только и всего.

В этом был весь характер Кузьмина. Его швыряло из крайности в крайность, как щепку в бурном потоке. Сейчас Кузьмин, разумеется, не шутил. Его силой удержали у дверей. Он вырывался и повторял в бешенстве.

— Говорю вам, он будет мертв!

Жизнь бедного юнкера висела на волоске. До сознания Кузьмина дошел единственный довод, что слишком



жестоко убить человека просто за длинный язык. Сначала Кузьмин ответил, что как раз можно и необходимо, но через минуту остыл и вместе со всеми потешался над амурными похождениями бедолаги Богуславского.

На другой день он, смеясь, растолковал Богуславскому, как славно давеча над ним подшутил. И серьезно тому попенял, что нельзя, мол, быть таким олухом взрослому юнцу. Нельзя, мол, верить во всякую чертовщину, дабы не прослыть идиотом. Богуславский охотно поверил как в заговор, так и в то, что это оказалось розыгрышем. Он был человек доверчивый.

Горбачевский думал о Кузьмине с удовольствием. Он знал его ближе, чем другие. Кузьмин учил своих солдат грамоте и пел с ними песни у костра. За его дерзостью и опрометчивостью скрывались непреклонность в достижении цели и гордое спокойствие духа. Горбачевский любил слушать его, когда тот бывал в настроении и тихим мечтательным голосом рассказывал забавные случаи из своей жизни.

Сухинова он близко не знал. Сухинова никто толком не знал. Он был осторожен, деликатен и вкрадчив. Это была вкрадчивость тигра, всегда готового к прыжку. Кажалось, он пришел из иного мира и исподтишка приглядывается к людям, потому что не знает, чего от них ждать. В его сине-черных глазах иногда мерцали искры ярости. Сухинов был вспыльчив, но не из тех, кто при всяком подходящем случае раздражается потоком угроз. Он был из тех, кто нападает молча. О его сабельном искусстве ходили легенды. В общество его принял Кузьмин совсем недавно. Если бы Горбачевскому предложили на выбор десять, пусть и отчаянных, врагов или одного Сухинова, он, не задумываясь, предпочел бы десятерых.

Он застал Сухинова на квартире. Тот сидел за столом в расстегнутой рубашке, раскладывал пасьянс и был прискорбно задумчив. С Горбачевским поздоровался веж-

ливо и тихо. Он всегда здоровался тихо и приветливо.

— Такое, к сожалению, неприятное дело вчера получилось,— начал объяснение Горбачевский.— Сначала назначили у Веденяпиных, потом почему-то перенесли собрание к Андреевичу. Я просто физически не успел всех предупредить.

Сухинов взглянул на него с любопытством. Ответил как бы с робкой грустью:

— Да вы не волнуйтесь, Горбачевский. Кто я такой, чтобы мне объяснять, утруждаться. Я человек скромный. Мне как прикажут. Сказали к Веденяпину, я рысью к нему. К исполнению привычный. Ежели скажете, я и на ту вон гору влѐзу и буду там сидеть до той поры, пока мне слезать не велят.

Горбачевский взглянул за окно и не увидел там никакой горы. Ее там и быть не могло, но он все же посмотрел, неизвестно почему. Встряхнув головой, точно отгоняя наваждение, Горбачевский произнес другим, более твердым тоном:

— Я понимаю вашу обиду, Сухинов. Сейчас мы поедем к Муравьеву, и все разъяснится. Я за этим и приехал.

По дороге Сухинов продолжал толковать, что он человек незаметный и к обидам сызмальства привык. И даже как-то плохо себя чувствует, ежели его хоть один день не обидают. Другое дело — Анастасий Дмитриевич Кузьмин. Тот, конечно, человек буйный и не посмотрит, кто там Муравьев, а кто нет. Кузьмин в своей гордыне может самому немчуре Гебелю заехать в зубы. Сухинов сказал, что он сам побаивается Кузьмина. И лучше бы, сказал он, не издеваться над Кузьминым и не приглашать к Веденяпину, если собираются, к примеру, у Андреевича. Горбачевский слушал поручика молча, не испытывая никакого раздражения. Что-то в разглагольствованиях Сухинова было настолько симпатичное, что Горбачевский

поймал себя на том, что продолжительное время бездумно улыбается.

Кузьмину еще издали Сухинов крикнул с седла:

— За нами прислали, Анастасий Дмитриевич. Видать, накажут за вчерашнее.

Кузьмин его веселья не разделял. Он был бледен, казался невыспавшимся.

— Вы ведь понимаете, Горбачевский? — сказал он, заранее ярясь. — Не в нашей обиде суть. Я готов примириться с заблуждениями, даже понять трусость, но не могу терпеть уловок. Уловки свойственны мелким душам. Каково нам принимать руководство людей, способных на интриги по отношению к товарищам? Я не могу верить человеку, который водит меня за нос, точно дамочка с парижского бульвара.

— Это уж вы, позвольте заметить, хватили через край. Вы не хуже меня знаете, что Муравьев безукоризненно честный человек и беззаветно предан делу.

— Ах, так! Хорошо же. Поедем, действительно, к Муравьеву и попробуем добиться от этого честного и беззаветного человека прямого ответа хотя бы на один вопрос. Такого ответа, какой подобает человеку чести. пышных словес мы достаточно наслышались от его оруженосца.

— Зачем ты так, Анастасий? — укорил Горбачевский.

У Муравьева они застали Бестужева-Рюмина. Раскланялись все холодно, сухо, кроме Бестужева. Тот выразил огромную радость при виде гостей, но его восклицания и попытки обняться с Кузьминым вышли как бы и некстати. Однако он нимало не смутился. С его лица не сходила мечтательная улыбка. Он переживал одновременно три величайших состояния человеческой души — молодость, любовь к женщине и жажду подвига во имя родины. Такое напряжение редко по силам человеку. Судьба Бестужева была молниеносной и ужасной, но он

не провидел своей судьбы. Люди не в-  
бы — это счастье. Улыбка Бестужева сразу вывела Кузьмина из равновесия. Он повернулся к Муравьеву.

— Подполковник Муравьев, по какому праву вы удаляете от совещаний черниговских офицеров?

Сергей Иванович метнул на поручика тяжелый взгляд, но сдержал себя, ответил спокойно:

— Все вопросы, связанные с Черниговским полком, решаю я лично и никому не позволю вмешиваться в мои распоряжения. Ни-ко-му!

Его лицо, обыкновенно доброе, сейчас выражало непреклонность. Вмешался Горбачевский:

— Однако, Сергей Иванович, каким образом мы можем прекратить сношения с теми, кто считается нашими надежными товарищами и ни в чем перед нами не провинился? Согласитесь, это как-то странно даже.

— Повторяю, — ответил Муравьев. — Я один отвечаю за все, связанное с полком. Прошу или верить мне или — имею честь кланяться.

Кузьмина затрясло от гнева.

— Черниговский полк, — загремел он, наступая на Муравьева, — не ваш и не вам принадлежит. Не думайте, господин подполковник, что я и мои товарищи пришли просить у вас разрешения быть патриотами. Мы...

Задохнувшись от возмущения, он не договорил и вышел, хлопнув на прощанье дверью.

Муравьев пожевал губами, точно проглотил что-то некусное. Казалось, он был совершенно невозмутим. «Какое завидное умение владеть собой!» — восхитился Сухинов. Муравьев встретил его взгляд и дружелюбно улыбнулся. Улыбка получилась искусственной. Бестужев-Рюмин, остро чувствуя и переживая возникшее напряжение, говорил так, как будто ничего не случилось:

— Господа! Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне Отечественной,

русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма? Да знаете ли вы, как настроен народ? В какой готовности солдаты? Вы знаете? Один рядовой Саратовского полка, не стану называть его, обещал привести весь полк без офицеров, если понадобится. А другой солдат, из семеновских, торжественно поклялся при первом удобном случае застрелить государя из ружья.

Бестужев начал горячо говорить о ненависти правительства к свободомыслящим людям, о неуместности разногласий в такой ответственный период. Впрочем, все то, что он не раз уже говорил прежде. Сухинов слушал вполуха, но не уходил, хотя, пожалуй, следовало уйти следом за Кузьминым. Хотя бы из чувства товарищества.

Бестужев не вызывал у него особых симпатий. Мальчишка, не нюхавший пороха, возомнивший себя Робеспьером, Маратом или уж бог весть кем. Сухинов недостаточно знал историю, чтобы подобрать точное сравнение. К Муравьеву он испытывал гораздо большее влечение. Ему нравились вечная сосредоточенность подполковника и его печальное лицо. В сущности, это Сергей Иванович открыл перед ним мир, о котором он прежде и представления не имел. Долгие, душевные беседы с ним обо всем на свете — о несправедливом устройстве общества, о бунте Семеновского полка, о смысле человеческого бытия — смутили, перевернули душу поручика, и все же сейчас, как бывало и прежде, Сухинов с грустью прикидывал дистанцию между собой, вынужденным совсем недавно доказывать свое дворянство, дабы получить офицерский чин, и этим спокойным, добросердечным аристократом, обласканным судьбой с самого детства. Он получил образование за границей, не обойден высочайшими милостями и наградами. «И вот он готов, не задумываясь, пожертвовать своим положением и своим буду-

щим, да и саму жизнь поставить на карту ради общего блага,— в который уже раз недоумевал Сухинов.— Но можно ли верить в его искренность? Не окажется ли вся затея с тайным обществом и все эти красивые планы всего лишь ширмой для каких-то иных, неизвестных целей? А ведь расплачиваться придется им, ему и его друзьям славянам. Их головы полетят в первую очередь».

Ужаленный этой мыслью, Сухинов повернулся к Бестужеву и гневно сказал:

— Хорошо, хорошо, послушай теперь и ты меня. Если он (кивок в сторону Муравьева) когда-нибудь вздумает располагать мной и моими товарищами, удалять нас от тех, с кем мы кровно связаны, и сближать с теми, кого мы и знать не хотим, то клянусь всеми святыми — мы этого не потерпим!

Бестужев отшатнулся и с изумлением взглянул на подполковника, словно призывая того в свидетели оскорбления. Сухинов добавил:

— Мы сами найдем дорогу в Петербург и Москву. Нам такие путеводители, как ты и... не нужны!

Он был подвержен приступам раздражения, которые настигали его внезапно, как шквал. В такие мгновения он сам себе бывал страшен и старался как можно быстрее уединиться, чтобы не натворить бед. Потом ему бывало невыносимо стыдно за самого себя, до того стыдно, что, случалось, он плакал слезами тоски и бессилия. Но об этом не подозревал ни один человек на свете. Внутренний жар, которому он не знал названия, испепелял его.

— Как же так,— бормотал Бестужев,— как же так можно говорить, как с врагами, клянусь честью!

«В этих молодых офицерах-славянах так много еще ребячливости,— думал Сергей Муравьев, наблюдая за вспышкой Сухинова.— Они любят фантазировать, как и мой милый Михаил, и пылкое воображение придает их фантазиям черты реальности. Каковы-то они будут в

деле? И можно ли им полностью доверять? Представляют ли они себе отчетливо всю серьезность и гибельность наших замыслов?.. А вот Сухинов хорош. Пожалуй, он серьезнее многих и характер имеет твердый. Не беда, что не слишком образован и не умеет при случае щегольнуть пышной фразой. Такие, как он, за истину, за справедливость, если она войдет в их сердца, идут до конца и умирают не дрогнув».

Муравьев подошел к нему и заговорил, дружески положив ему руку на плечо. Сухинов руки не сбросил, но слушал недоверчиво, по-гусарски покручивая ус. В общем-то сцена была нелепая и смешная, он это понимал. Но смешно ему не было.

— Я никогда не имел намерения что-либо скрывать от таких достойных людей, как вы и ваши товарищи,— мягко сказал Муравьев.— Уверю, я глубоко ценю вашу любовь к отечеству, все ваши благородные чувства.

— Надо дело делать, а мы пустяками занимаемся,— буркнул Сухинов, на которого глубокий голос Муравьева подействовал самым странным образом. Ему захотелось попросить прощения у этого человека.

— Будет и дело. Скоро будет,— уверил его подполковник. Расставались они пастороженно, хотя внешне и примиренные. На прощание Сергей Иванович пожал руку Сухинова неожиданно крепким и властным пожатием. У него была рука воина и облик мыслителя. В сенях Сухинова догнал Бестужев-Рюмин. Вышел с ним на улицу.

— Ну? Что? — грубовато спросил Сухинов. Глаза Бестужева сверкали азартом, оттеняя бледность кожи.

— Я разделяю,— заговорил он негромко и страстно.— Все ваши взгляды разделяю. Поверьте, мне самому надоела эта медлительность, эти бесконечные планы, вечно остающиеся неосуществленными. От них на душе осадок, как от яда. Но ведь теперь недолго, я знаю. И Сергей Иванович так считает. О, это необыкновенный человек,

вы еще убедитесь. И солдаты его любят. Они пойдут за ним слепо. Их не придется уговаривать.

Сухинов рассеянно оглядывался. Лесок вдали четко обрисовывался лучами сентябрьского солнца. Какой-то мужик в рваной рубахе сидел на обочине и внимательно разглядывал кусок веревки. То ли пьяный, то ли бродяга.

— Но вот ведь, если дойдет до главного, найдутся у вас люди? Если придется положить жизнь?

— Вы о чем? — спросил Сухинов. Подпоручик впился в него восторженным и ликующим взглядом.

— А вы не догадываетесь?

— Я не гадалка.

— Если придется посягнуть, — почти шепотом произнес Бестужев. — Если обстоятельства сложатся так, что придется посягнуть на самого монарха, найдутся у вас люди?

Сухинов даже не поморщился.

— У нас на все люди найдутся, — сообщил он наставительно.

Он не стал дожидаться Горбачевского, хотя ему и интересно было бы узнать, о чем они беседовали с Муравьевым наедине. Проезжая мимо мужика на обочине, Сухинов его окликнул:

— Что, удавиться хочешь? — Мужик поднял голову, и Сухинов увидел, что лицо у него синее и опухшее, как у мертвеца. Замешкавшись, Сухинов пошарил в кармане и швырнул мужику гривенник.

Ближе к вечеру Сухинов, никому не сказавшись, отправился на любовное свидание на дальний хутор. Он ехал шагом, не спешил, жалел лошадь. Лошаденка у него была плохонькая, бедная и оседлана была худо. Он с сердечной истомой вспоминал, какой под ним был конь в тот роковой день десятого мая в тринадцатом году под Рейхенбахом. В сражении под Бауценом Наполеон мощным напором раздавил передние части русских. Армия



отступала. Армии необходим был простор и время для маневра. Лубенский гусарский полк, в котором Сухинов был рядовым, ринулся в жесточайшую контратаку. Какой был конь под ним, о боже! — чудо конь. Он его спас в том бою, вынес из пекла схватки. Сухинов, с рассеченной саблей правой рукой, одичав от боли и ярости, перехватил клинок в левую руку и снова погнал коня в самую гущу. Именно с того дня он стал осваивать страшный и коварный секущий удар слева, с мгновенным перебросом сабли из руки в руку. Гусары начали с уважением поглядывать на молодого удальца. Неповторимые, жгучие то были мгновения, когда он сливался с конем воедино, а сабля становилась живым и грозным продолжением его руки. Вихрь схватки, прыжок в безбрежность, юность духа и тела! Священная война народа! Первые услышанные им разговоры о свободе, равенстве, республике. Он многого тогда не понимал, но чувствовал, всем естеством осознал — война идет не за Францию, не за Польшу, война идет за Россию, за чудесный, счастливый завтрашний день. Неведомым прежде блаженством насыщался его неопытный разум. Как дьявол сражался Ваня Сухинов, юный гусар. Под Лейпцигом левую руку ему раздробили, и плечо, и голову задели. Он превозмогал боль со стоицизмом спартанца. Он остался в строю и насмешливо скалил зубы, когда ему перевязывали раны. Он не искал наград, но слава его манила. Лихая солдатская слава, открывающаяся в улыбках друзей и в радостных окликах совсем незнакомых людей. Годы прошли, истекли непонятно куда, и конь тот, наверное, пал. А он, заговорщик Сухинов, плетется шагом на свидание к красивой девушке Марине, но ему не очень хочется разговаривать с Мариной, потому что он смутно догадывается, что сулит ему будущее.

«Я мог прожить легче и спокойнее,— без сожаления думал Сухинов.— Мог служить по чиновничьей части,